

Еще один совет читателю

А. Я. Рубинштейн

Институт экономики РАН, МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова

И все-таки я не могу принять объяснения Сергея Маратовича Гуриева. Несмотря на его опыт «члена Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию и участника встречи Президентского кадрового резерва с высшим руководством РАН», невозможно неэтичное поведение сотрудника РЭШ представить как норму современной науки. Однако недаром говорят, что «желание - отец мысли».

В своих попытках обелить автора запущенной в прессу диффамации нашего коллеги сам С.М. Гуриев также выходит далеко за пределы правды. И лишь его неосведомленностью можно объяснить ту картину, [которую он рисует читателям](#). «Они (ТрВ - мое уточнение) и попросили нескольких академиков и Костю - ведущего российского специалиста по институциональной экономике - прокомментировать эти слухи. Несколько академиков отказались, Руслан Гринберг согласился, Валерий Макаров тоже - хотя и коротко - прокомментировал. Написал и Костя»

Так объясняет ситуацию С.М. Гуриев 24 декабря 2009 года. Данной версии он придерживается и в обращении [на Сайте НЭА](#). Вынужден назвать это типичной дезинформацией читателей в духе все тех же советских методов, о которых, правда, Сергей Маратович может не знать, «так как относится к поколению людей, начавших свою карьеру уже в постсоветской России»^[1].

Реальная же ситуация была совершенно иной. В начале декабря 2009 года Р.Гринберг, В.Макаров, *В.Ивантер, В.Полтерович, В.Тамбовцев, Р.Энтов* и я получили письма от журналистки из «Троицкого варианта» с предложением прокомментировать вовсе не слухи, а приложенную к письму рецензию (без подписи автора) на книгу А.Некипелова. Все получатели данного письма отказались участвовать в подобной провокации. Попытки добыть все же комментарий журналистка продолжила на Общем собрании РАН, где Р.Гринберг и В.Макаров ответили на ее вопросы. А 22 декабря, то есть за два дня до выхода журнала «Форбс», в «Троицком варианте» появилась вторая редакция рецензии, уже подписанная соответствующим «экспертом».

Возвращаясь к этой неприглядной истории и достаточно вольных, но всегда строго ориентированных ее изложениях, забывающих главное - неэтичное поведение при всех научных заслугах остается неэтичным, действующим разрушающе как на самого эксперта, так и на его недалёковидных болельщиков, я снова подумал о читателях, черпающих информацию в разного рода недобросовестных публикациях. И потому вновь решил вернуться [к своим советам читателю](#), дополнив их еще одной рекомендацией.

3. Будьте внимательны к публикациям, где ситуация описывается по-другому, нежели это известно Вам. Будьте особенно осторожны в тех случаях, когда речь идет о «негативном залпе» против одного из ваших коллег. Бывает очень трудно отличить обычную неосведомленность от сознательного искажения фактов, помогающего автору публикации обосновать его собственные взгляды. «Из неверного следует все, что угодно» - так гласит один из законов логики. Из маленькой дезинформации рождается большая

ложь. Не доверяйте авторам, допускающим в своих текстах смысловые подлоги. За этим может скрываться диффамация конкретного человека.

[1] Для этого поколения людей привожу в качестве образчика советских методов диффамации статью в газете «Правда» «Сумбур вместо музыки» (Приложение к данному тексту).

Приложение

Сумбур вместо музыки

Об опере «Леди Макбет Мценского уезда»

Газета «Правда», 28 января 1936 г.

<http://www.thereimin.ru/archive/sovok/sumbur.htm>

Вместе с общим культурным ростом в нашей стране выросла и потребность в хорошей музыке. Никогда и нигде композиторы не имели перед собой такой благодарной аудитории. Народные массы ждут хороших песен, но также и хороших инструментальных произведений, хороших опер.

Некоторые театры как новинку, как достижение преподносят новой, выросшей культурно советской публике оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Услужливая музыкальная критика превозносит до небес оперу, создает ей громкую славу. Молодой композитор вместо деловой и серьезной критики, которая могла бы помочь ему в дальнейшей работе, выслушивает только восторженные комплименты.

Слушателя с первой же минуты ошарашивает в опере нарочито нестройный, сумбурный поток звуков. Обрывки мелодии, зачатки музыкальной фразы тонут, вырываются, снова исчезают в грохоте, скрежете и визге. Следить за этой «музыкой» трудно, запомнить ее невозможно.

Так в течение почти всей оперы. На сцене пение заменено криком. Если композитору случается попасть на дорожку простой и понятной мелодии, то он немедленно, словно испугавшись такой беды, бросается в дебри музыкального сумбура, местами превращающегося в какофонию. Выразительность, которой требует слушатель, заменена бешеным ритмом. Музыкальный шум должен выразить страсть.

Это все не от бездарности композитора, не от его неумения в музыке выразить простые и сильные чувства. Это музыка, умышленно сделанная «шиворот-навыворот», - так, чтобы ничего не напоминало классическую оперную музыку, ничего не было общего с симфоническими звучаниями, с простой, общедоступной музыкальной речью. Это музыка, которая построена по тому же принципу отрицания оперы, по какому левацкое искусство вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное

звучание слова. Это - перенесение в оперу, в музыку наиболее отрицательных черт «мейерхольдовщины» в умноженном виде. Это левацкий сумбур вместо естественной, человеческой музыки. Способность хорошей музыки захватывать массы приносится в жертву мелкобуржуазным формалистическим потугам, претензиям создать оригинальность приемами дешевых оригинальничаний. Это игра в заумные вещи, которая может кончиться очень плохо.

Опасность такого направления в советской музыке ясна. Левацкое уродство в опере растет из того же источника, что и левацкое уродство в живописи, в поэзии, в педагогике, в науке. Мелкобуржуазное «новаторство» ведет к отрыву от подлинного искусства, от подлинной науки, от подлинной литературы.

Автору «Леди Макбет Мценского уезда» пришлось заимствовать у джаза его нервную, судорожную, припадочную музыку, чтобы придать «страсть» своим героям.

В то время, как наша критика - в том числе и музыкальная - клянется именем социалистического реализма, сцена преподносит нам в творении Шостаковича грубейший натурализм. Однотонно, в зверином облики представлены все - и купцы и народ. Хищница-купчиха, дорвавшаяся путем убийств к богатству и власти, представлена в виде какой-то «жертвы» буржуазного общества. Бытовой повести Лескова навязан смысл, какого в ней нет.

И все это грубо, примитивно, вульгарно. Музыка крикает, ухает, пыхтит, задыхается, чтобы как можно натуральнее изобразить любовные сцены. И «любовь» размазана во всей опере в самой вульгарной форме. Купеческая двуспальная кровать занимает центральное место в оформлении. На ней разрешаются все «проблемы». В таком же грубо-натуралистическом стиле показана смерть от отравления, сечение почти на самой сцене.

Композитор, видимо, не поставил перед собой задачи прислушаться к тому, чего ждет, чего ищет в музыке советская аудитория. Он словно нарочно зашифровал свою музыку, перепутал все звучания в ней так, чтобы дошла его музыка только до потерявших здоровый вкус эстетов-формалистов. Он прошел мимо требований советской культуры изгнать грубость и дикость из всех углов советского быта. Это воспевание купеческой похотливости некоторые критики называют сатирой. Ни о какой сатире здесь и речи не может быть. Всеми средствами и музыкальной и драматической выразительности автор старается привлечь симпатии публики к грубым и вульгарным стремлениям и поступкам купчихи Катерины Измайловой. «Леди Макбет» имеет успех у буржуазной публики за границей. Не потому ли похваливает ее буржуазная публика, что опера эта сумбузна и абсолютно аполитична? Не потому ли, что она щекочет извращенные вкусы буржуазной аудитории своей дергающейся, крикливой, неврастенической музыкой?

Наши театры приложили немало труда, чтобы тщательно поставить оперу Шостаковича. Актеры обнаружили значительный талант в преодолении шума, крика и скрежета оркестра. Драматической игрой они старались возместить мелодийное убожество оперы. К сожалению, от этого еще ярче выступили ее грубо-натуралистические черты. Талантливая игра заслуживает признательности, затраченные усилия - сожаления.

Статья опубликована без подписи.